

О.В. Кобец

*Смоленский государственный университет спорта
Смоленск, Россия*

Е.В. Кодин

*Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия*

УДК 94(47).084

DOI 10.35785/2072-9464-2023-62-150-169

БЕЛОРУСИЗАЦИЯ НА СМОЛЕНЩИНЕ СО СТРАНИЦ ГАЗЕТЫ «РАБОЧИЙ ПУТЬ», 1920–1930-е ГОДЫ

Ключевые слова: советская национальная политика; коренизация; белорусизация; российские регионы; Смоленщина.

В статье представлена практика белорусизации на Смоленщине в 1920 – первой половине 1930-х годов в формате ее отражения на страницах газеты «Рабочий путь» как органа печати Смоленского губкома РКП(б) – ВКП (б) и губисполкома, а с 1929 года – главного печатного органа Западной области, существовавшей до 1937 года с административным центром в Смоленске.

Материалы «Рабочего пути» не формируют у читателя целостного восприятия политики белорусизации на Смоленщине как в российском регионе с компактным проживанием белорусского населения. В губернии не было ни белорусских колхозов, ни белорусских сельских советов, как это имело место, к примеру, у латышей и евреев. Поэтому основным направлением белорусизации стала система образования, то есть введение в отдельных школах белорусского языка и курса белорусоведения, а также попытки перевода ряда школ на белорусский язык.

При этом даже отрывочные данные разных по жанру и объему газетных материалов свидетельствуют, что ни власти губернии всех уровней вплоть до сельских советов, ни титульное великорусское население, ни даже сами белорусы так и не стали активными сторонниками политики белорусизации, лишь формально участвуя в этом процессе, как в одной из многочисленных социально-политических кампаний того времени.

Белорусизация – это часть советской национальной политики, провозглашенной вначале на X съезде РКП(б) в марте 1921 года, получившей через два года свое развитие в решениях XII съезда партии по коренизации в национальных республиках, предполагавшей формирование в них органов власти из числа местных жителей, владеющих родным языком, знающих

быт, обычаи народов, которые обеспечили бы использование родного языка в государственных органах власти и в учреждениях.

В самой Белоруссии этот процесс был обозначен как задача первостепенной важности даже несколько раньше указанных московских решений, когда в декабре 1920 года Всебелорусский съезд Советов, а затем и вторая сессия ЦИК Белоруссии (февраль 1921 года) постановили принять все меры к усилению работы на белорусском языке. Планировалось постепенно перевести все образовательные учреждения, в которых обучались дети-белорусы, на их родной язык преподавания [Практическое разрешение, 1927, 10]. В учебных заведениях вводился белорусский язык как обязательный предмет. Правда, одновременно с постановкой таких амбициозных задач власти республики признавали, что сил и средств на их реализацию у Белоруссии не было: слишком тяжелыми для экономики оказались разрушительные последствия Первой мировой, Гражданской и польско-советской войн [Практическое разрешение, 1927, 12].

Своеобразием политики коренизации, а следовательно и белорусизации, явилось то, что постановлениями центральных партийных органов одновременно предписывалось проведение в жизнь принципов новой политики не только в самих национальных регионах, но и на российских территориях с компактным проживанием там нетитульного населения.

Смоленская губерния не могла не оказаться в ряду таковых, поскольку вся ее история была тесно связана с Белоруссией начиная с эпохи Великого княжества Литовского. В апреле же 1918 года в связи с наступлением немецких войск Смоленск вообще стал административным центром нового территориального образования – Западной области, в состав которой вошли Витебская, Могилевская и Минская губернии. А 1 января 1919 года именно в Смоленске было провозглашено создание Советской Социалистической Республики Белоруссия. После переезда белорусского правительства в освобожденный от немецких войск Минск Смоленск вернется в лоно Москвы.

К середине 1920-х годов численность белорусов на Смоленщине существенно сократится. И это будет связано не столько с территориальными преобразованиями 1924 и 1926 годов, когда в состав БССР будут переданы смоленские Горецкий и Мстиславский уезды (ныне граничат с Хиславичским, Монастырщинским и Краснинским районами Смоленской области), сколько с происходившими глобальными социально-экономическими трансформациями в России. Если детальное статистическое обследование Смоленщины, проведенное Я.А. Соловьевым в 1885 году, делило все население губернии численностью в 1 миллион 83 тысячи человек на две почти равные части: великороссы составляли более 530 тысяч человек, белорусы – более 550 тысяч человек [Сельскохозяйственная статистика, 1855, 100], то уже через полвека ситуация существенно поменялась. По первой Всероссийской переписи населения 1897 года, где национальная принадлежность

определялась не этнической принадлежностью, а ответом на вопрос о родном языке, на Смоленщине белорусов «по языку» оказалось уже лишь немногим более 100 тысяч человек. А по переписи 1920 года (в границах 1925 года после территориальных изменений 1924 года) количество белорусского населения в губернии сократилось до 5,5 тысячи человек (2,6% от общей численности) [ГАСО, ф. Р-161, оп. 1, д. 2182, 24].

Тем не менее в пределах Смоленской губернии к началу политики белорусизации белорусы являлись второй по численности группой населения после великороссов. При этом никакой «белорусской проблематики» в губернии не было ни в XIX веке, ни в 1920-е годы. Местное население воспринимало белорусов как часть русского народа, говорящую на некоем особом русском языке.

В отличие от самой Белоруссии, в российских регионах со значительной численностью белорусского населения (это были также Брянщина, Псковщина, Сибирь, Урал, Дальний Восток) политика коренизации в основном и в первую очередь коснулась системы общего образования; государственные органы, силовые структуры, армия и даже в большей своей части учреждения культуры оказались не затронутыми процессами белорусизации в той мере, как это было в самой республике.

Об этом говорит и то обстоятельство, что главным проводником политики белорусизации в РСФСР станет Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), который уже в 1922 году поставит задачу введения белорусского языка в школах первой ступени и курса белорусоведения в школах второй ступени в российских регионах с компактным проживанием белорусов. Самое непосредственное отношение это, конечно, имело и к Смоленщине. Однако на практике реализовать поставленные задачи в губернии оказалось не просто. Основных препятствий было два: во-первых, неоднозначная оценка целесообразности и необходимости белорусизации местными властями вплоть до неприятия и противодействия со стороны населения губернии, включая самих белорусов; во-вторых, крайне скудные экономические и финансовые возможности региона (см.: [Кобец, Кодин, 2021; 2019а; 2019б]).

Как это происходило на Смоленщине, можно, хотя и не в полной мере, проследить по публикациям на страницах главной смоленской газеты «Рабочий путь», являвшейся органом Смоленского губкома партии и губисполкома, а затем и основным печатным рупором парторганизации и государственных органов власти образованной в 1929 году Западной области. Поскольку белорусизация на Смоленщине в большей своей части нашла некое преломление только в системе образования, неудивительно, что и на страницах «Рабочего пути» читатель в первую очередь получал информацию о школьной сети губернии, а затем и Смоленщины в территориальных границах Западной области.

Вначале в публикациях отмечаются очевидные позитивные сдвиги в советском образовании по сравнению с царской Россией. Так, если в 1911 году в

Смоленской губернии было 1394 школы с общим количеством учащихся, немногим превышающим 101 тысячу человек, то за первые годы советской власти ситуация значительно улучшилась: на конец 1921 года школ первой ступени (1–4 группы) стало уже 2637, учащихся – более 182 тысяч человек. Средних школ, под которыми тогда понимались школы второй ступени (5–9 классы), девятилетки и школы крестьянской молодежи, до революции в губернии не было вообще, на год введения нэпа их «появилось» 109 с количеством учащихся свыше 11 300 человек [Рабочий путь, 1923, 19 января].

Однако уже на втором году нэпа в губернии наблюдается существенное сокращение численности школ. В интервью для «Рабочего пути» ответственный работник губернского отдела народного образования называл такие цифры по количеству школ на 1922/23 учебный год: школ первой ступени – 1600 в сельской местности и 91 в городах, школ второй ступени и семилеток – 68 в сельской местности и 31 в городах [Рабочий путь, 1922, 10 декабря]. Другими словами, по губернии сеть школ первой ступени сократилась до уровня 1914 года [Рабочий путь, 1922, 25 мая]. Из общего числа почти в 340 тысяч детей школьного возраста в сельской местности оставшиеся школы губернии могли принять в свои стены только немногим более 156 тысяч учеников [Рабочий путь, 1923, 19 января].

Похожей ситуация была и по всей стране. То были первые гримасы нэпа, когда центральные власти, то есть государство, снимали с себя какие-либо финансовые обязательства по части школьного образования. Ответственность за школы полностью перекладывалась даже не на губернский, а непосредственно на уездные бюджеты, которые, конечно же, были абсолютно безденежными.

Не изменили ситуацию в лучшую сторону ни введенный в марте 1922 года Смоленским губернским исполнительным комитетом целевой налог на нужды народного просвещения и здравоохранения [Рабочий путь, 1922, 30 марта], ни идея самообложения крестьян по содержанию школ, поскольку сразу стало ясно, что далеко не каждая деревня могла взвалить на себя такие обязательства. Не прижилась в губернии и практика так называемых «договорных школ». И потому с 1922/23 учебного года самым надежным и, главное, стабильным стало введение платности обучения [Рабочий путь, 1922, 30 марта]. Создание же частных школ для нормализации ситуации с обучением детей категорически отвергалось [ГАСО, ф. Р-13, оп. 3, д. 184, 131].

Такой же тяжелой ситуация была и в школах Горецкого и Мстиславского уездов, недавно переданных Смоленщине из состава Гомельской губернии, которые вскоре войдут в состав Могилевской губернии Белорусской республики. На начало 1924 года, пока Горецкий уезд был в составе Смоленщины, школьная сеть уезда состояла из 124 школ первой ступени, 5 школ второй ступени и одной семилетки. Учащихся было около 10 тысяч. Отмечалось, что не все школы имели «свои» помещения, 62 школы находились в наемных зданиях. По результатам обследования отдельных волостей делался вывод, что

«местная власть до преступности мало уделяет внимания школе». Приводились такие примеры: помещение Котелевской школы Торской волости стояло «без стекол и без крыши», дети учились «в одной половине церковной сторожки», вторая ее половина была свободна, но не было дров для отопления. Как общие недостатки отмечались отсутствие учебников и теснота помещения [Рабочий путь, 1924, 1 января].

В это время конкретно о белорусизации губернская газета не дает никаких материалов. Хотя проблемы национальных меньшинств, конечно, обсуждаются, но без какой-либо конкретики. Так, например, в середине февраля 1924 года губернское совещание заведующих агитационно-пропагандистскими отделами дает такого рода безадресную установку: «На местах изыскать средства на приобретение учебников и пособий для школ нацмен» [Рабочий путь, 1924, 21 февраля]. Кто должен изыскивать? За какие средства? И далее следует требование приступить «к систематическому снабжению литературой на родном языке». Очевидно, что такого рода решения принимались не более как для факта их наличия: мол, вопрос держится на контроле и как бы решается.

Общая же оценка положения школ в губернии на лето 1926 года в заметке о прошедшем губернском совещании заведующих уездными отделами народного образования все еще достаточно нелицеприятна: «Потрепанное за последнее десятилетие школьные здания, изношенный инвентарь, недостаток учебников и пособий, неудовлетворение местным бюджетом нужд народного образования – такова “база” нашей школы» [Рабочий путь, 1926, 18 июня].

К этому добавляется перманентная и почти не поддающаяся разрешению проблема ликвидации неграмотности. На начало 1925 года в Смоленской губернии все еще имелось 200 тысяч неграмотных в возрасте 14–35 лет. В основном это были крестьяне [Рабочий путь, 1925, 4 января]. В 1926 году количество неграмотных снизилось до 160 тысяч человек. Но с учетом рецидива неграмотности эта проблема будет оставаться актуальной даже в начале 1930-х годов.

Первая заметка о смоленских белорусах с попыткой некоего анализа их положения в губернии появится на страницах «Рабочего пути» только в начале 1926 года. 13 января публикуется материал «Белоруссы в Смоленской губернии» (так в тексте – две «с»). Называется общая цифра численности белорусского населения в губернии – 81 тысяча человек. Из них сельского населения – 72 тысячи, в городах проживало около 9 тысяч белорусов: больше всего в Рославльском уезде – 49 тысяч (в приграничных волостях – Петровической, Шумячской, Хиславичской, Ершичской, Корсиковской), в Смоленском уезде – около 24 тысяч (в Бохотской, Любавичской, Монастырщинской, Руднянской волостях) [Рабочий путь, 1926, 13 января].

При этом автор публикации явно вводит читателя в заблуждение своим утверждением, что данное население отнесено к белорусам, поскольку «оно го-

ворит на белорусском языке». С этим как раз была большая проблема. Что и признается, по сути, констатацией в том же материале следующего: «До настоящего времени население обслуживается школами на русском языке и учителями, не знающими белорусского языка» [Рабочий путь, 1926, 13 января]. И далее: «...школы к переводу на белорусский язык подготовлены не были, и в 1925/26 уч. году учителя, могущие работать в белорусских школах, начали опять работать на русском языке» [Рабочий путь, 1926, 13 января].

А затем корреспондент позволяет себе вообще поставить под сомнение необходимость белорусского языка на Смоленщине. Читаем: «Часто слышны возражения – откуда эти белоруссы, когда они живут среди русских очень давно. Иногда это пренебрежение к белорусскому языку сказывается и у самих крестьян, которые так долго слышали насмешки над его языком. Вот характерная фраза, сказанная учителю-белоруссу в Рославльском уезде, когда тот заговорил о переводе школ на белорусский язык: “Тэтак гаворим мы дома, а у школе трэба вучицца так, як гаворуць у горадзе”» [Рабочий путь, 1926, 13 января].

И только летом 1926 года ставится в плоскость практического решения вопрос о переводе отдельных школ полностью на белорусский язык. «Школьная сеть на белорусском языке основательно развернется лишь с этого года, – констатирует газета. – До сего времени в школах первой степени белорусский язык преподавался лишь как отдельный предмет, теперь же все преподавание в школах, в которых преобладают дети белоруссов, будет вестись на белорусском языке, начиная с первого класса» [Рабочий путь, 1926, 6 июля]. Заметим здесь сразу: эта задача не будет выполнена в регионе в заявляемом ключе никогда, вплоть до свертывания процесса белорусизации в первой половине 1930-х годов.

Тем не менее в номере от 7 ноября 1926 года, посвященном национальной политике в СССР, корреспондент уже рапортует о серьезных успехах в работе с белорусами: «Достижения белоруссов в Смоленской губернии... значительные. Работа среди белоруссов проводится всего лишь второй год, но несмотря на это она уже принесла большие плоды» [Рабочий путь, 1926, 7 ноября]. Здесь важно обратить внимание на следующее. Во-первых, официальный орган власти признает, что ранее белорусская тематика в губернии вообще серьезно не рассматривалась. Во-вторых, «плоды» работы представлены слишком уж неопределенно. Они перечислены так: «Существует ряд школ на белорусском языке, открыты белорусские отделения при рабфаке и совпартшколе, в некоторых школах вводится белоруссоведение. В некоторых библиотеках и красных уголках уже введены белорусские отделения» (курсив наш. – О. К., Е. К.). Ни количественных, ни тем более качественных показателей работы здесь нет. Хотя само внимание к вопросам белорусского населения губернии, как, впрочем, и других малых народов, уже заметно.

В губернии в то время было 12 национальных меньшинств. На нужды народного образования этой части населения Смоленщины в 1927 году было

отпущено более 133 тысяч рублей, что составляло два процента губернского бюджета. 6 апреля 1927 года на совещании при губисполкоме с представителями национальных меньшинств признавалось, что школы национальных меньшинств в некоторых местах губернии находились «в худших материальных условиях, чем общая школа», и ставилась задача «с нового бюджетного года улучшить их положение путем отпуска достаточных средств на наем помещений, школьный ремонт и приобретение инвентаря», а также «увеличить школьную сеть национальных меньшинств, одновременно обратив особое внимание на развертывание сети белорусских школ» [Рабочий путь, 1927, 3 июля]. Добавим, что кроме школ в 1927 году в губернии имелось всего лишь два инструкторских пункта по ликвидации неграмотности для белорусов, пять красных уголков, шесть белорусских отделений при библиотеках.

1927 год можно в целом считать переломным как в вопросах общего школьного строительства в губернии, так и в вопросах национального образования. «Рабочий путь» с нескрываемой гордостью констатировал, что летом 1927 года в губернии развернулось большое строительство 27 новых школ [Рабочий путь, 1927, 14 августа], одновременно капитально отремонтировалось 431 здание школы [Рабочий путь, 1927, 12 августа]. Такого размаха и внимания к нуждам образования губерния не знала с самого начала десятилетия. Смоленщина уже могла гордиться тем, что по числу школ первой ступени она имела в 1927 году «превышение дореволюционного числа на 210». «Наследие годов разрухи – плохое качество работы школ – из года в год изживается и уже теперь в первых и вторых группах достигнуто вполне нормальное положение», – читаем в одном из номеров губернской газеты осени 1927 года [Рабочий путь, 1927, 2 ноября].

Такая оценка в полной мере относилась и к национальным школам. Если в 1924 году, который корреспондент берет для отсчета начала активной работы по развитию сети национальных школ губернии, на Смоленщине имелось всего 15 школ первой ступени и две второй ступени, то в 1927 году их было уже 60 и 11 соответственно [Рабочий путь, 1927, 2 ноября].

Аналогичные процессы имели место и в отношении белорусского населения. Да, констатирует газета, работа с этой частью жителей губернии «началась не так давно». Если работа среди латышей и евреев имела «за плечами 8–9 лет, то белорусская – 2–3 года» [Рабочий путь, 1927, 2 ноября]. Но «и за этот сравнительно короткий срок сделано было порядочно», утверждает корреспондент. И отмечает, что более всего «продвинулась вперед школьная работа». За 1926/1927 учебный год и в начале 1927/1928 года «была основана сеть белорусских школ 1 ступени». И если в 1926/1927 году только в 18 школах первой ступени были переведены на белорусский язык первые группы, то на 1927/1928 год уже 36 школ первой ступени «начали белоруссизироваться» [Рабочий путь, 1927, 2 ноября]. В школах же повы-

шенного типа, которым в течение двух-трех лет еще предстояло пополниваться учениками, завершавшими первую ступень на русском языке, в 1927 году был пока только введен предмет «белоруссоведение». И лишь через два-три года планировалось «постепенно провести полную белоруссизацию» школ повышенного типа [Рабочий путь, 1927, 2 ноября].

Одновременно заметим, что именно в этом номере газеты впервые за многие годы было использовано понятие «белоруссизация»! Данная корреспонденция губернской газеты фактически признает тот факт, что, по сути, вплоть до 1926 года вопросами белоруссизации на Смоленщине не занимались: сеть белорусских школ к этому времени еще была только «основана», и школа только «начала белоруссизироваться»! Тем не менее вывод делался следующий: «Все это показывает, что работа среди белорусского населения губернии идет по верному пути, что обслуживание многих тысяч белоруссов на их родном языке необходимо, и к десятилетию Октября, правильно разрешившего национальный вопрос, мы имеем в работе среди белоруссов, несмотря на сравнительно короткий срок, целый ряд реальных достижений» [Рабочий путь, 1927, 2 ноября].

При этом буквально за несколько месяцев до такой оценки газета обращает внимание читателя на то, что даже все возрастающие расходы на белоруссизацию не снимают остроты постоянно обсуждаемого, особенно в крестьянском сообществе, вопроса о целесообразности данной политики. Наиболее ярко это было отражено в двух объемных заметках в августе 1927 года под общим названием «Белорусы в Смоленщине».

В самом начале автор заявлял, что ему приходилось довольно часто встречаться с людьми, убежденными в том, что работа среди белорусского населения в Смоленской губернии велась «впустую, что белорусского населения в губернии нет...» [Рабочий путь, 1927, 19 августа]. И далее читатель знакомится с результатами работы, проведенной экспедицией, организованной фольклорно-диалектологической комиссией Института белорусской культуры. Комиссия в июне-июле 1927 года обследовала Смоленскую губернию по маршруту Смоленск – Демидов – Велиж – Белый – Ржев.

В газете приводятся выдержки из отчета комиссии: «Приходилось встречаться с горожанами (речь о Смоленске. – О. К., Е. К.), которые родились и всю свою жизнь прожили в Смоленске, и которые считают себя белорусами, но у которых замечается какая-то боязнь чего-то, будто их может кто-то наказать за то, что они – смоленские белорусы. Это – наследие упорного, в продолжении двухсот с лишком лет, проведения “царской национальной политики”. Приходилось встречаться и с таким типом местной интеллигенции, которая, обрусевши, забыла свой родной язык и культуру, но которая чувствует, что великорусский язык и культура для них чужие. Они говорят: “Мы не великороссы и не белоруссы, а смоляне”» [Рабочий путь, 1927, 19 августа].

«Много есть в Смоленске и таких, которые с пеной во рту рассказывают самые дикие, глупые сплетни, выдуманные великорусскими шовинистами и

черносотенцами о белорусской нации, белорусском языке и культуре, – цитировалось далее из отчета. – Большинство таких врагов белорусщины падает не на обруселых смолян, а на выходцев из Великороссии. Если отбросить ругань, выдумки и тому подобный, не заслуживающий внимания материал, то их детские “рассуждения” сводятся к следующему: “Вообще отделение окраинных народов от России вредно; никаких культур, кроме русской, нет и не нужно; у белоруссов все должно быть чисто русским, об этом говорит и корень “рус”, она исконная русь с некоторыми особенностями; эти особенности есть между Архангельской и Рязанской губ., но отсюда не делается вывод, чтобы и в них делать особые республики. Белоруссизация – искусственная вещь...” Сквозь эти доводы ясно видны русские “союзники” и вообще черная сотня; плохо только то, что они ширятся и популяризируются среди советской беспартийной общественности Смоленска» [Рабочий путь, 1927, 19 августа].

Жителей же Смоленского уезда комиссия в принципе причисляла к белорусам: «Сами себя здешние жители считают “русскими”, и молодежь в большинстве довольно хорошо говорит по-русски. Но не нашлось ни одного белорусского слова, которого бы не знали... Теперь и старое поколение, под влиянием молодежи и русской школы, старается выбросить из употребления какие бы то ни было примеры белорусского языка и смотрят на них, как на “некультурность, отсталость, необразованность”. При этом народные обычаи, обряды, песни и их мелодии, равно как и одежда старого поколения, строения являются одинаковыми с теми, что и в центральной Белоруссии – Минщине» [Рабочий путь, 1927, 19 августа].

В итоге, так же как и в начале XX века сделал по результатам своей этнографической экспедиции Е.Ф. Карский [Карский], комиссия заключала: «Безусловно, что согласно этнографическим и антропологическим данным, население Смоленского уезда (здесь надо пояснить, что тогдашний Смоленский уезд объединял гораздо большую территорию, нежели современный Смоленский район. – Е. К., О. К.)¹ является частью белорусского народа, хотя в большой степени срусифицированного. И возможно, что ранее полученные статистические цифры о национальном составе населения при беспристрастном этнографическом освещении необходимо считать не совсем правильными» [Рабочий путь, 1927, 19 августа]. Комиссия делала вывод, что «те официальные данные о белорусском населении губернии, которые имеются в настоящее время, требуют известного пересмотра» [Рабочий путь, 1927, 19 августа].

Похоже, что перед комиссией стояла задача «найти» на Смоленщине как можно больше белорусов вопреки имевшим место реальным процессам. В этом отношении позиция смоленских губернских властей выглядит более объективной. В конце 1920-х годов последние констатировали, что само бе-

¹ В 1926 году в Смоленский уезд входило 14 волостей, включая нынешние отдельные районы области: Кардымовский, Краснинский, Монастырщинский, Починковский, Руднянский.

лорусское население «уже настолько обрусело, что оно не придает белорусизации никакого значения» [ГАСО, ф. Р-19, оп. 1, д. 4748, 278], относится к белорусизации «индифферентно», а одной из форм своеобразного сопротивления политике белорусизации становится практика «самозачисления» белорусов в состав российского этноса путем саморусификации, когда предпочтение отдавалось русскому языку вместо белорусского.

К концу 1920-х годов, отмечает известный специалист по межвоенной белорусской истории Ю.А. Борисенко, закончится «активная фаза белорусизации» [Борисенко, 2013, 145], причем как в самой Белоруссии, так и в российских регионах с компактным проживанием белорусского населения. Но это никак не означало, что процесс быстро свернется. Белорусизация на Смоленщине, в первую очередь в части развития национальных школ, продолжится и в рамках нового территориального образования – Западной области, в состав которой Смоленская губерния вошла полным территориальным составом.

В июне 1929 года областное оргбюро ЦК ВКП(б), занимавшееся вопросами формирования Западной области, констатировало следующее: «Общая культурная отсталость Западной области, вытекающая из ее экономической отсталости, не могла не отразиться на состоянии народного образования...» [Рабочий путь, 1929, 9 июня]. Охват школой детей возраста 8–11 лет был равен 75–77%. В Западной области имелось 5813 школ первой ступени с охватом более 453 тысяч учеников, 250 школ повышенного типа, в которых обучалось более 18 тысяч учащихся, из которых 66 имели статус ШКМ (школы крестьянской молодежи), и 42 школы второй ступени – 14 тысяч обучающихся [Рабочий путь, 1929, 20 июля].

Одновременно власти области констатировали «значительное отставание» в работе с нацменьшинствами и всем районам предписывалось считать данный участок работы «одним из важнейших и всемерно его укреплять» [Рабочий путь, 1929, 6 июля]. 29 августа 1929 года «Рабочий путь» опубликовал постановление Запоблисполкома о состоянии работы с национальными меньшинствами области по докладу инструктора ВЦИК Островского [Рабочий путь, 1929, 29 августа]. В числе общих недочетов в работе с национальными меньшинствами называлась «неясная установка в вопросе проведения украинизации и белорусизации в районах, примыкающих к УССР и БССР, и заселенных представителями соответствующих национальностей, которые, однако, не владеют родным языком, вследствие чего на местах принимались неправильные и неосуществимые решения» [Рабочий путь, 1929, 29 августа], из которых главным был «немедленный перевод на украинский и белорусский язык низового сов аппарата». В части Смоленщины следует отметить, что в губернии на протяжении всех 1920-х годов такой вопрос вообще ни разу не поднимался в формате какого-либо решения исполнительной власти.

Указывалось, что многие из имевшихся в области 134 школ первой ступени и 17 школ повышенного типа национальных меньшинств испытывали острую нужду в школьных зданиях, имелся большой недостаток педагогических кадров для украинских, белорусских и немецких школ, несвоевременно и не в полном объеме осваивался бюджет национальных школ [Рабочий путь, 1929, 29 августа]. Одновременно власти всех уровней призывались «широко развернуть выдвижение на руководящие посты в нацмеррайонах из среды нацменьшинств – рабочих от станка, батраков, крестьян и бедняков» [Рабочий путь, 1929, 29 августа]. То есть коренизация в трактовках XII съезда РКП(б) дошла до российских регионов с компактным проживанием национальных меньшинств, в нашем случае до Смоленщины, почти через 10 лет. Да и то лишь в формате постановки задач.

В наступившем 1930 году смоленским властям, как и властям других российских регионов, явно было не до белорусизации: все силы и средства были брошены на всеобуч. 12 февраля 1930 года «Рабочий путь» публикует постановление президиума Запоблисполкома «О введении всеобщего начального обучения в районах сплошной коллективизации». Согласно этому постановлению власти районов, намеченных к сплошной коллективизации, должны были уже с 1 марта 1930 года охватить обучением детей, достигших к 1 октября 1929 года восьмилетнего возраста [Рабочий путь, 1930, 12 февраля].

А еще в это же время были и коллективизация, и раскулачивание, и сельхозналог, и хлебозаготовки, и ликбез, и многое другое! И все это одновременно и безотлагательно!

Летом того же года задачи всеобуча расширились: теперь речь шла уже не только о районах сплошной коллективизации, но и о сплошном в территориальном смысле введении всеобуча. 18 июня 1930 года «Рабочий путь» публикует постановление президиума Западного областного исполнительного комитета от 17 июня того же года о введении в области с осени 1930–1931 года всеобщего обязательного начального обучения для детей в возрасте 8–9 лет и общедоступного для детей 10–11-летнего возраста. Ставилась задача, чтобы уже на начало 1930/1931 учебного года сеть соответствующих школ была достаточной. Для этого предписывалось «в случае недостатка в школьных помещениях, освободить для использования по прямому назначению школьные здания, занятые для других надобностей, а равно использовать закрываемые церкви, быв. помещичьи усадьбы, конфискованные кулацкие дома, клубные помещения и т.д.» [Рабочий путь, 1930, 18 июня]. Особое внимание уделялось детям бедноты: чтобы обеспечить регулярное посещение ими школы, требовалось создать особые фонды для снабжения беднейших учащихся учебниками, учебными пособиями, одеждой, обувью и горячими завтраками [Рабочий путь, 1930, 18 июня].

Конечно, это касалось детей всех национальностей. К этому времени, по данным переписи 1926 года, в Западной области было 363 с половиной

тысячи человек, представлявших нацменьшинства: из них украинцев – 136 тысяч, евреев – чуть более 94 тысяч, белорусов – 78 тысяч человек, остальные – латыши, поляки, эстонцы, немцы, литовцы, цыгане и карелы [Рабочий путь, 1930, 29 июля].

В 1930 году в области имелось из числа национальных 149 школ первой ступени, 12 семилеток, 4 ШКМ (школы колхозной молодежи), еврейский педтехникум, белорусское отделение педтехникума, белорусское отделение рабфака Смоленского государственного университета. Ставилась амбициозная задача – охватить школой детей национальных меньшинств к концу пятилетки до 50 процентов, в то время как в 1929/1930 учебном году эта цифра по области составляла всего 11,2 процента [Рабочий путь, 1930, 29 июля].

При этом в области имел место очень большой процент неграмотных среди национальных меньшинств. Так, к примеру, в Великолукском округе (ныне в составе Псковской области) из почти 16 тысяч белорусов грамотных было всего 672 человека, то есть четыре процента. Но это был показатель грамотности на их родном национальном языке. А вот их же грамотность, но на русском языке составляла 47 процентов, то есть показатель увеличился больше чем в 10 раз [Рабочий путь, 1930, 29 июля], что уже само по себе говорит о многом. Так же, как и своего рода признание в самом конце данной газетной заметки в том, что ни местные советские, ни профсоюзные, ни комсомольские организации «до сих пор... не уделяли внимания этой работе» [Рабочий путь, 1930, 29 июля].

Заведующий областным отделом народного образования Н.С. Резников заканчивал свою заметку на страницах одного из номеров «Рабочего пути» звучным лозунгом: «Борьба за всеобуч есть борьба за социализм!» [Рабочий путь, 1930, 14 октября]. Следовательно, эту борьбу, как и коллективизацию, и раскулачивание, и другие перманентные задачи власти проиграть не имели права. И потому даже этому ответственному чиновнику позволительно было нехватку более 1 тысячи учителей для школ области объяснить привычными для того времени политическими ярлыками: «дезертиры», «летуны», «кулацкие агенты» и т.д. [Рабочий путь, 1930, 14 октября].

Особую тревогу властей в 1931 году вызывало то обстоятельство, что задачи всеобуча реализовывались среди невеликороссов области очень низкими темпами. Так, школой было охвачено только 2,4% детей-украинцев, 2,6% литовцев, 5,6% поляков, 11,9% цыган, 20,7% немцев, 25,1% евреев. Лидерами были латыши – 34,8% и белорусы – 35,9% [Рабочий путь, 1931, 18 февраля]. При этом самой острой проблемой называется не столько низкий процент охвата детей школой, сколько отсутствие учителей, владеющих национальным языком. И потому корреспондент на страницах областной партийной газеты прямо пишет, что «многие школы только номинально счита-

ются национальными, а работа в основном проводится на русском языке» [Рабочий путь, 1931, 18 февраля]. Что, очевидно, никак не соответствовало задачам коренизации, и белорусизации в частности.

Народный комиссариат просвещения рассчитывал улучшить ситуацию в данном направлении посредством проведения в мае-июне 1932 года месячника всесоюзного массового смотра и обследования национальных средних и начальных школ. В Западной области в ходе смотра планировалось обследовать школы в 12 районах [Рабочий путь, 1932, 20 мая].

Именно в это время областная газета «вспомнила» про политику коренизации. Материал так и назывался: «К новому учебному году. Обеспечить коренизацию национальных школ». На примере работы национальных школ Руднянского района (6 ШКМ и 11 школ первой ступени) констатируется: школа становится «подлинно-политехнической». И перечисляются «достижения»: в школах имеются мастерские и комнаты по труду, учеба связывается с производственной практикой, часто организуются экскурсии на предприятия и в колхозы. Любавичская белорусская ШКМ и «ряд других национальных школ» удостоились похвалы за хорошую успеваемость детей по математике, химии и другим предметам. И вот на таком позитивном фоне указываются, казалось бы, совсем «незначительные» для национальных школ недостатки: «Плохо проходит коренизация белорусских школ, несмотря на то, что имеется достаточное количество педагогов-белоруссов (Кочановская ШКМ имеет 11 учителей-белоруссов, Любавичская ШКМ – 4 учителя-белорусса), и все же в этих школах предметы преподаются на русском языке, а белорусский язык введен как предмет» [Рабочий путь, 1932, 29 июня]. «Из рук вон плохо» было организовано и снабжение учебниками и учебными пособиями на родном, в нашем случае белорусском, языке.

В одном из июльских номеров газеты дается материал с неким подведением итогов майско-июньского смотра работы с национальными меньшинствами. Приводятся примеры. Так, в Шумячах «на директиву облисполкома ответили резолюцией: “к сведению” и подшили к делу, похоронив месячник смотра нацменьработы в делах рика» [Рабочий путь, 1932, 23 июля]. Так же отнеслись к проведению месячника и в ряде других районов. Делался вывод: «Партийные и советские организации в районах... не руководят работой среди нацменьшинств (исключение – Хиславичи)» [Рабочий путь, 1932, 23 июля].

Работа в национальных школах характеризовалась на примере Хиславичского района. В районе имелось 13 национальных школ, из них 2 еврейские и 11 белорусских; в том числе по одной ШКМ. Отмечалось, что по еврейским школам качественный и социальный состав педагогических кадров был удовлетворительный, а по белорусским – нет. Из всех учителей белорусских школ 50 процентов недостаточно владели белорусским языком. С базовой учительской подготовкой был только один из 29 педагогов. В ряде белорусских школ национальный язык «был введен лишь как дисциплина, между тем как преподавание ведется на русском языке». С 1 февраля 1932 года все национальные школы стали работать по новым программам Наркомпроса, «но ни одна из школ

не имеет программ на родном языке». Положение с учебниками и учебными пособиями «очень тяжелое», констатировалось в публикации; «еврейские школы обеспечены учебниками плохо, а белорусские школы только на 10 проц.» [Рабочий путь, 1932, 23 июля].

Корреспондент так заканчивал свою публикацию: «Руководство работой национальных школ как со стороны облОНО, так со стороны райОНО, недостаточно. Отдельные работники райОНО заявляли: – Мы русские, в национальных школах разобраться не сможем, а потому пускай там работают, как хотят» [Рабочий путь, 1932, 23 июля]. И ставились задачи: обеспечить национальные школы программами, учебниками, журналами и методическим руководством на родном языке; «крайне необходимо укомплектовать белорусские школы кадрами, хорошо владеющими белорусским языком» [Рабочий путь, 1932, 23 июля]. Как мы видели раньше, такого рода реляции принимались неоднократно и до того, но дальше заявлений и пожеланий дело не двигалось.

Перед местными руководителями районов одновременно стояло столько первоочередных задач, что вопросы белорусизации как бы сами собой отодвигались в сторону. Вот, к примеру, обращение к исполнительной власти всех низовых структур лично председателя ВЦИК М.И. Калинина по вопросу подготовки школ к новому учебному году. Адресованное всем председателям райисполкомов, горсоветов и сельсоветов, оно гласило: «В целях успешной подготовки к новому 1932–1933 учебному году предлагаю под личную ответственность председателей райисполкомов, горсоветов, сельсоветов до 1 сентября 1932 года, т.е. до начала учебных занятий в школах:

Отремонтировать все школы, учительские помещения, общежития и интернаты для учащихся.

Закончить постройку школ.

Снабдить каждую школу необходимым ей на весь учебный год топливом.

Провести починку и изготовление школьной мебели. Обеспечить средствами закупку и своевременную доставку в школу учебников.

Обеспечить школьников горячими завтраками, организовать столовые, районным, городским органам РКИ установить систематический контроль над работой райисполкомов, горсоветов и сельсоветов в деле подготовки к новому учебному году» [Рабочий путь, 1932, 20 июля].

Очевидно, что выполнение хотя бы одной из перечисленных задач было сопряжено с огромными трудностями (финансовыми, материальными, кадровыми...). А в своей совокупности они создавали такую обстановку, что властям точно было не до коренизации, и белорусизации в частности. За недоработку в национальном вопросе никаких наказаний, кроме возможных нареканий, не следовало, а по всеобучу спрос был строгий, поскольку то были вопросы постановлений ЦК ВКП(б), ВЦИК и СНК СССР.

Определенные надежды на активизацию работы с национальными меньшинствами возлагались на 1-й съезд национальных меньшинств Запад-

ной области. В большом тематическом материале «Рабочего пути» одновременно провозглашалась важность «правильного проведения» национальной политики партии «при пограничном положении области» и признавалось, что в национальных школах так ничего и не поменялось – работа ведется на русском языке [Рабочий путь, 1932, 1 августа].

Об этом даже вынужден был говорить в своем полуторачасовом докладе заведующий областным отделом народного образования Н.С. Резников. На фоне «огромного роста» культурного строительства среди национальных меньшинств Западной области, расширения сети национальных школ и политпросветучреждений качество учебы в национальных школах, отмечал Резников, не стояло еще на должной высоте, преподавание велось «не на родном, а на русском языке из-за отсутствия национал-педагогов» [Рабочий путь, 1932, 3 августа]. В очередной раз с высокой трибуны констатировалось, что со стороны «многих районных и ряда др. организаций не чувствуется заботы о национальной школе, о ее своевременном ремонте, о предоставлении под национальную школу лучшего помещения, нет чуткой заботы об учителе национальной школы...» [Рабочий путь, 1932, 3 августа].

В прениях по докладу заведующего облоно представитель Шумячского района заявлял, что из 10 белорусских школ района «почти все ведут занятия на русском языке». Учебники устарели, а новыми национальные школы не снабжались с 1927 года. Школьных программ на родном языке не было ни в еврейских, ни в белорусских школах. Имело место урезание средств на национальные школы, а выделенные «трудно выдавались» [Рабочий путь, 1932, 4 августа].

Последний раз белорусская тематика будет затронута на страницах «Рабочего пути» в самом начале 1933 года, но не на уровне Смоленщины или Западной области в целом, а в контексте положения белорусов на землях «под владычеством Польши». Констатировалось, что белорусские школы и культурно-просветительные организации в Западной Белоруссии «почти совершенно уничтожены». Приводились цифры: из 400 народных школ, имевшихся там в 1928 году, «на сегодняшний день осталось только 15». Количество же польских школ выросло до 3280. Шел процесс ликвидации «двух последних белорусских гимназий» [Рабочий путь, 1933, 10 января].

Все это, конечно, резко контрастировало с тем, что было достигнуто в культурном развитии советской Белоруссии с начала 1920-х годов, а также в российских регионах с компактным проживанием белорусского населения.

Но после постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 года «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии» тема белорусизации «тихо уйдет» со страниц главной партийной газеты области.

Формальным поводом для данного постановления центрального комитета правящей партии послужило письмо в газету «Правда» белорусского учителя физики и математики в г. Бобре Крупского района БССР Г.П. Степура. Он писал: «На работе я говорю только по-белорусски. Если увлекаюсь скажу что-

нибудь по-русски, то сейчас же поправляюсь, слежу за собой. Но в личной семейной жизни я говорю по-русски просто потому, что на этом языке мне легче говорить». Далее он описывает, что одну записку на имя председателя сельского совета написал по-русски. За это его обвинили в «махровом великодержавном шовинизме». Ему предписали и дома с женой «употреблять исключительно белорусский язык». Встал вопрос об увольнении с работы. Ограничились строгим выговором. Но у учителя остались вопросы: неужели он своим общением на русском языке в кругу семьи обманывает тем самым партию? Нет ли «здесь некоторого перегиба в обратную сторону?» [ЦК РКП(б), 2005, 702–703].

Политбюро ЦК ВКП(б) в своем постановлении признавало: «Факты из практики белорусизации, опубликованные в “Правде”, свидетельствуют о том, что белорусские партийные и советские организации не ведут большевистской борьбы за основные принципы интернационализма и в ряде случаев потворствуют буржуазно-кулацким националистическим тенденциям». Факты «прямого запрещения пользования русским языком в обращениях к государственным или иным органам в Белоруссии, точно так же, как и факты преследований за русскую речь даже в частной обстановке, являются... прямым извращением национальной политики партии, выгодным только классовым врагам» [ЦК РКП(б), 2005, 702]. Белорусские власти ошибки признали. Политика белорусизации достаточно быстро будет трансформирована в практику всемерной поддержки русского языка, особенно в части качества его преподавания.

На Смоленщине по инерции областные власти еще почти на протяжении двух лет будут в своей работе возвращаться к теме коренизации и непосредственно белорусизации. Только с 1935 года национальные школы пропадают из повестки дня областного отдела народного образования.

Материалы газеты «Рабочий путь» за 1920 – первую половину 1930-х годов не формируют у читателя целостного восприятия политики белорусизации на Смоленщине как в одном из российских регионов с компактным проживанием белорусского населения. В губернии не было ни белорусских колхозов, ни белорусских сельских советов, как это имело место, к примеру, у латышей и евреев. Поэтому основным, по сути единственным, направлением белорусизации стала система образования, то есть введение в отдельных школах белорусского языка и курса белорусоведения, а также попытки перевода ряда школ на белорусский язык.

Но даже отрывочные данные разного рода газетных материалов свидетельствуют, что ни власти губернии и уездов, а затем и районов в территориальных границах Западной области с компактным проживанием белорусов, ни само белорусское население не поддерживали такую практику белорусизации, лишь формально участвуя в этом процессе как в одной из составляющих государственной национальной политики.

Само белорусское население относилось к школе на родном языке «безразлично, а нередко и враждебно». Объяснение следовало такое: родители вполне обоснованно считали, что для будущей жизни, а тем более в России, частью которой и являлась Смоленщина, детям нужен будет именно русский, а не белорусский язык.

Руководителям же всех уровней власти – от губернского до уездного, волостного и даже сельских советов, перед которыми ежедневно стояли десятки первостепенных задач социально-экономического развития региона, а также постоянного политического реагирования на разного рода кампании (нэп, борьба с правым уклоном и меньшевизмом, коллективизация, раскулачивание, сельхозналог, хлебозаготовки, ликвидация неграмотности, всеобуч и др.), было не до белорусизации.

Белорусизация, по сути, стала такой же политической кампанией, как и многие другие действия властей того времени с присущими им чертами формализма и административного давления для получения нужных показателей в отчетности.

После мартовского 1933 года постановления ЦК ВКП(б) по белорусизации образовательным и культурно-просветительским учреждениям Смоленщины не потребуется много времени для перестройки своей работы в новых условиях.

ЛИТЕРАТУРА

Борисенок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: Родина МЕДИА, 2013. 352 с.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-13. Оп. 3. Д. 184.

ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 4748.

ГАСО. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 2182

Карский Е.Ф. Белоруссы. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. 478 с.

Кобец О.В., Кодин Е.В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 165 с.

Кодин Е.В., Кобец О.В. Белорусизация в российско-белорусском приграничьи: Смоленщина, 1924–1929 гг. // Белорусская думка. 2019а. № 8. С. 85–91.

Кодин Е.В., Кобец О.В. Смоленщина, 1921–1925 годы: белорусизация сверху? // Известия Смоленского государственного университета. 2019б. № 2(46). С. 164–177.

Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. I: Белорусизация. По материалам Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР. Минск: Издание Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР, 1927. 151 с.

Рабочий путь (орган Смоленского Губкома Р.К.П. и Губисполкома С. Р., К. и К. Д.; с 6 марта 1929 г., с № 52 – орган Областного бюро Ц.К. В.К.П. (б) и Оргкомитета Западной области, Смоленского Губкома В.К.П. (б), Губисполкома и Губпрофсовета). 1922. 30 марта.

Рабочий путь. 1922. 25 мая.

Рабочий путь. 1922. 10 декабря.

Рабочий путь. 1923. 10 января.

Рабочий путь. 1923. 19 января.

Рабочий путь. 1924. 1 января.

Рабочий путь. 1924. 21 февраля.

Рабочий путь. 1924. 10 июня.

Рабочий путь. 1925. 4 января.

Рабочий путь. 1926. 13 января.
Рабочий путь. 1926. 18 июня.
Рабочий путь. 1926. 6 июля.
Рабочий путь. 1926. 7 ноября.
Рабочий путь. 1927. 21 мая.
Рабочий путь. 1927. 3 июля.
Рабочий путь. 1927. 12 августа.
Рабочий путь. 1927. 14 августа.
Рабочий путь. 1927. 19 августа.
Рабочий путь. 1927. 2 ноября.
Рабочий путь. 1929. 9 июня.
Рабочий путь. 1929. 22 июня.
Рабочий путь. 1929. 6 июля.
Рабочий путь. 1929. 20 июля.
Рабочий путь. 1929. 29 августа.
Рабочий путь. 1930. 12 февраля.
Рабочий путь. 1930. 18 июня.
Рабочий путь. 1930. 29 июля.
Рабочий путь. 1930. 14 октября.
Рабочий путь. 1932. 20 мая.
Рабочий путь. 1932. 29 июня.
Рабочий путь. 1932. 20 июля.
Рабочий путь. 1932. 23 июля.
Рабочий путь. 1932. 1 августа.
Рабочий путь. 1932. 3 августа.
Рабочий путь. 1932. 4 августа.
Рабочий путь. 1933. 10 января.

Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / сост. Яковом Соловьевым, нач. б. Смолен. отряда уравнения гос. крестьян в денеж. сборах, на основании сведений, собр. этим отрядом. М.: Иждивением Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с. (Цит. по изданию: Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. Смоленск: Универсум, 2011. 503 с.).

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. 1918–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 782 с.

O.V. Kobets

*PhD in History, Associate Professor,
Head of the Department of Postgraduate Studies,
Smolensk State University of Sports
Smolensk, Russia*

E.V. Kodin

*PhD in History, Doctor, professor,
the Chair of Russian History,
Smolensk State University
Smolensk, Russia*

Belarusization in the Smolensk Region from the Pages of the Newspaper «Rabochiy Put'», 1920–1930s

The article presents the practice of Belarusization in the Smolensk region in the 1920s – the first half of the 1930s in the format of its reflection on the pages

of the newspaper «Rabochiy Put'», as the press organ of the Smolensk Gubernatorial Committee of the RCP (b) – the CPSU (b) and the Gubernatorial Executive Committee, and since 1929 – the main printing body of the Western region with the administrative center in Smolensk.

The materials of the «Rabochiy Put'» do not form the reader's holistic perception of the policy of Belarusization in the Smolensk region, as in one of the Russian regions with a compact Belarusian population. There were no Belarusian collective farms or Belarusian village councils in the province, as was the case, for example, among Latvians and Jews. Therefore, the main direction of Belarusization has become the education system, i.e. the introduction of the Belarusian language and the course of Belarusian studies in individual schools, as well as attempts to transmit a number of schools into the Belarusian language.

At the same time, even fragmentary data from newspaper materials of different genres and volumes indicate that neither the provincial authorities (virtually at all levels up to village councils), nor the titular and even the Belarusian population itself have become active supporters of the policy of Belarusization, only formally participating in this process, as in one of the many socio-political campaigns of that period.

Key words: Soviet national policy; korenization; belarusization; Russian regions; Smolensk region.

REFERENCES

«Rabochij put'» (organ of the Smolensk Provincial Committee of the R.K.P. and the Gubernia Executive Committee of the S.R., K. and K.D.; from March 6, 1929, from No. 52 – the organ of the Regional Bureau of the Central Committee of the V.K.P (b) and the Organizing Committee of the Western Region, the Smolensk Provincial Committee of the VKP (b), the Gubernia Executive Committee and the Provincial Council). 1922. March 30 [Rabochij put' (organ Smolenskogo Gubkoma R.K.P. i Gubispolkoma S. R., K. i K. D.; s 6 marta 1929 g., s № 52 – organ Oblastnogo byuro C.K. V.K.P. (b) i Orgkomiteta Zapadnoj oblasti, Smolenskogo Gubkoma V.K.P. (b), Gubispolkoma i Gubpofsovet). 1922. 30 marta] (all in Russian).

Agricultural statistics of the Smolensk province [Sel'skohozyajstvennaya statistika Smolenskoy gubernii]. Compiled by Yakov Solovyov, the commander of Smolensk squad of the state equation of peasants in money fees, on the basis of information, collected by this squad. M.: dependent Uchen. com. M-va state. property, 1855. 486 p. (Quoted from the publication: Agricultural statistics of the Smolensk province. Smolensk: Universum, 2011. 503 p.) (in Russian).

Borisenok Yu.A. On the sharp turns of Belarusian history: Society and the state between Poland and Russia in the first half of the 20th century [Na krutyh povorotah belorusskoj istorii: Obshchestvo i gosudarstvo mezhdru Pol'shej i Rossiej v pervoj polovine XX veka]. Moscow: Rodina MEDIA, 2013. 352 p. (in Russian). Central Committee of the RCP (b) – VKP (b) and the national question [CK RKP(b) – VKP(b) i nacional'nyj vopros]. Compiled by L.S. Gatagova, L.P. Kosheleva, L.A. Rogovaya. 1918–1933. Moscow: ROSSPEN, 2005. 782 p. (in Russian).

GASO, f. R-161, op. 1, d. 2182 (in Russian).

GASO, f. R-19, op. 1, d. 4748 (in Russian).

Karsky E.F. Belarusians. Vol. 1: Introduction to the study of language and folk literature [Belorussiy. T. 1: Vvedenie v izuchenie yazyka i narodnoj slovesnosti]. Warsaw, 1903. 478 p. (in Russian).

Kobets O.V., Kodin E.V. Belarusization in the Smolensk region, 1920s. [Belorusizaciya na Smolenshhine, 1920-e gody']. Smolensk: Smolensk State University, 2021. 165 p. (in Russian).

Kodin E.V., Kobets O.V. Belarusianization in the Russian-Belarusian borderland: Smolensk region, 1924–1929 [Belorusizaciya v rossijsko-beloruskom prigranich'ii: Smolenshhina, 1924-1929 gg.]. *Belorusskaya dumka*, 2019, no. 8, pp. 85–91 (in Russian).

Kodin E.V., Kobets O.V. Smolensk Region, 1921–1925: Belarusianization from above? [Smolenshhina, 1921–1925 gody': belorusizaciya sverxu?]. *Bulletin of Smolensk State University*, 2019, no. 2(46), pp. 164–177 (in Russian).

Practical resolution of the national question in the Byelorussian Socialist Soviet Republic. P I: Belarusization. According to the materials of the Central National Commission of the CEC of the BSSR [Prakticheskoe razreshenie nacional'nogo voprosa v Belorusskoj Socialisticheskoj Sovetskoj Respublike. Ch I: Belorusizaciya. Po materialam Central'noj Nacional'noj Komissii CIK BSSR. Minsk: Izdanie Central'noj Nacional'noj Komissii CIK BSSR]. 1927. 151 p. (in Russian).

Rabochij put'. 1922. December 10.

Rabochij put'. 1922. May 25.

Rabochij put'. 1923. January 10.

Rabochij put'. 1923. January 19.

Rabochij put'. 1924. February 21.

Rabochij put'. 1924. January 1.

Rabochij put'. 1924. January 10.

Rabochij put'. 1925. January 4.

Rabochij put'. 1926. January 13.

Rabochij put'. 1926. July 6.

Rabochij put'. 1926. June 18.

Rabochij put'. 1926. November 7.

Rabochij put'. 1927. August 14.

Rabochij put'. 1927. August 19.

Rabochij put'. 1927. July 3.

Rabochij put'. 1927. May 21.

Rabochij put'. 1927. November 2.

Rabochij put'. 1927. August 12.

Rabochij put'. 1929. August 29.

Rabochij put'. 1929. July 20.

Rabochij put'. 1929. July 6.

Rabochij put'. 1929. June 22.

Rabochij put'. 1929. June 9.

Rabochij put'. 1930. February 12.

Rabochij put'. 1930. July 29.

Rabochij put'. 1930. June 18.

Rabochij put'. 1930. October 14.

Rabochij put'. 1932. August 1.

Rabochij put'. 1932. August 3.

Rabochij put'. 1932. August 4.

Rabochij put'. 1932. July 20.

Rabochij put'. 1932. July 23.

Rabochij put'. 1932. June 29.

Rabochij put'. 1932. May 20.

Rabochij put'. 1933. January 10.

State Archive of the Smolensk Region (GASO) [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti (dalee GASO)], f. R-13, op. 3, d. 184 (in Russian).